

БОРИС ШЕРГИН

ВАНЯ ДАТСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БОРИС ШЕРГИН

ВАНЯ ДАТСКИЙ

БЫЛЬ АРХАНГЕЛЬСКАЯ

ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ 1991

У АРХАНГЕЛЬСКОГО ГОРОДА, у корабельного пристанища, у лодейного прибежища, не в дни нынешние, а в годы прежние, старые, торговала булками честна вдова Аграфена Ивановна. В летнюю пору судов у пристани — воды не видно; народу по берегам — что ягоды морошки по белому мху; торговых-пирожниц, бражниц, квасниц — будто звёзд на небе. И что тут у баб разговору, что болтовни! А честну вдову Аграфену всех слышней. Она со всем рынком сразу говорит, переговаривается, перешучивается, пересмеивается. Не зря ведь про таких народом замечено: «Губки — фарафорочки, а язычок — болтун». Но Аграфена не только по-нашему и по-аглички умела любому пришлому мистеру ответ дать, а коли надо — похвалить и осадить.

Дивились люди кругом:

— Ты, Ивановна, спишь ли когда? Утром рано и вечером поздно одну тебя и слышать!

— Э-э, милые! — отвечала Аграфена. — Старые будем — намолчимся, а придёт срок — помрём, тогда и выспимся. У меня ж забота одна: я тружусь, детище своё, сыночка, воспитываю!

И правда, был у Аграфены единственный сын Иванушко. И его все знали, все любили. Не только своя Русь, но и гости заморские. Ещё бы! Не поспеет иное судёнышко, норвежское, или английское, или ещё какое, якорь кинуть, а Иванушко тут как тут. Спрашивает: «Поздорову ли шли? Ветер попутен ли был? Может, чего нужно

помочь, принести?...» Заморские-то моряки улыбаются, его уго- 5
щают солёными бишками, по-нашему, бисквитами, рассказывают
про моря, океаны, заморские страны.

А Иванушко слушает не наслушается: глаза звёздочками
горят-светятся, а в груди дыхание перехватывает — вот бы пови-
дать! Вот бы побывать за морями, за долами, в дальних странах!

Потерял покой Иванушко: море ему снится, волна высокая, зелёная мерещится, чуден берег перед глазами стоит.

Не стерпел Иванушко, пусть не время, пусть рано, пришёл к матери, запросился в море.

— Что ты, сыночек, — Аграфена Ивановна ему сказала. — Ты ещё мал. Погодить надо! — А у самой — сердце зашлось: мало того, что сын маленький, так ведь единственный!

Отошёл Иванушко, ничего не сказал. А думка из головы не уходит, мечта сердца не покидает.

Подождал год. А что год? Ему по-прежнему море снится, волна высокая, зелёная мерещится, солёный воздух ноздри щекощет, чуден берег перед глазами стоит.

Подождал год, другой. Не стерпел Иванушко, приступил к матери вплотную:

— Как хочешь, маменька, а благослови в море идти!

Заплакала Аграфена, застонала, как медведица:

— Сыночек мой единственный! Отца твоего у меня море взяло: утонул он с кораблём вместе! Сына — не отдам!

Отошёл Иванушко, перечить не стал. А про себя подумал: «Коли так, я без благословения убегу!»

Эх, Иванушко, Иванушко, по летам ты молод, по характеру — крут! Не подумал ты о своей матушке, о единственной, о кормилице, о кровиночке, о той, кто любит тебя.

Ну, иной шаг — шаг, а другой — судьба. Присмотрел Ваня корабль датский, покамест тот у выгрузки-погрузки стоял. Завылся к капитану.

— Кэптэн, тэйк эброд! — сказал, а по-русски это значит: «Возьмите меня с собой!»

И надо же, в то плавание, в ту пору не хватало капитану матросов. Да к тому же бойкий паренёк, Ваня, ему понравился. Капитан и скажи:

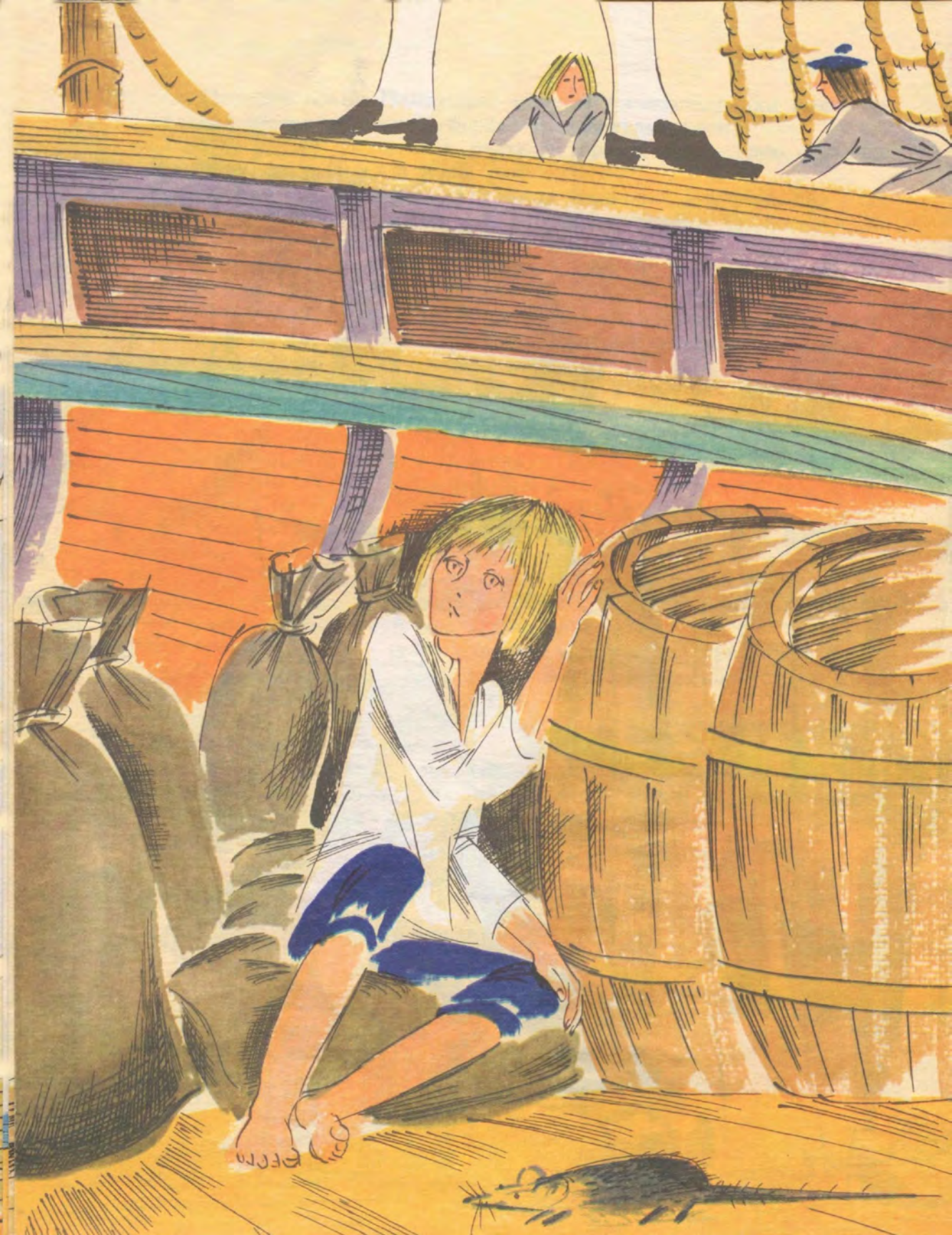
— Хайд ин зи трум! («Прячься в трюм!»)

Ваня и спрятался в трюме: среди бочек и мешков. Там его разве найдёшь, увидишь? 9

Покуда из Архангельска не ушли, родной берег из виду не скрылся, Ваня в трюме затаившись сидел.

Так и уплыл Аграфенин сын за море.

Аграфена не удивилась, что сын не пришёл ночевать. Не очень и вторую ночь беспокоилась: «На озёрах с ребятами, поди, рыбу ловит».

А потом?.. Потом горько плакала, на весь рынок голосила:

— Дитятко Иванушко! Ушёл ты за море на поездочку, а судьба решит: не на всю ли жизнь ты ушёл, уплыл.

И не было об Аграфенином сыне слуху двадцать лет...

Нету горше слёз материнских. Нет причитанья жалобнее вдовьего. По утренним зорям Аграфена выходила на морской бережок и плакала:

Гусем бы я была, гагарой,
Все бы моря облетела,
Морские пути оглядела,
Детище своё отыскала.
Зайкой бы я была, лисичкой,
Все бы города обскакала;
Кажду бы дверь отворила,
В каждое бы оконце заглянула,
Всех бы про Иванушка спросила.

А Иванушко — такая ему судьба выпала — за эти годы десять раз сходил кругом света, а к родному берегу — вот незадача! — не пришлось!

В Дании, в дальней стороне, в чужой земле, была у него жена и трое сыновей. Ребята просили у отца сказок. Вспомнил он материнские песни-былины. Видно, скопились старухины слёзы в перелётную тучку и упали дождём на сыновнее сердце. Рассказывал Ваня детям своим сказки, а сам в то время будто материн голос слышал.

Тут по весне напала на Ваню печаль необычная. Идёт Иванушко по набережной и видит: грузится корабль.

Спрашивает:

— Куда походите?

— В Россию, в Архангельск-город.

Забилось сердце у Ванечки: «Маму бы повидать! Жива ли?..»

И тут же порядился-сговорился с капитаном сплавать на Русь и обратно — иначе разве согласится? — в должности матроса.

Жена с плачем собрала Ваню в путь:

— Ох, муженек милый! Как же мы тут с детками жить будем? Ведь узнает тебя мать — останешься ты там...

— Не узнает. И я не скажусь, только издали погляжу. Сердце изныло, истерзалось матушку повидать-посмотреть.

Дует ветер попутный. Шумит седой океан.

Бежит корабль, отворив паруса. Всплывают русские берега.
Вот он и город Архангельск.

На пристанях людно по-прежнему. Точно вчера Иванушко бегал здесь босоногим мальчишкой... Теперь он идёт высокий, бородатый. Идёт и думает: «Ежели мама жива, она булочками торгует».

Он ещё матери не видит, а уж голос её слышит:

— Булочки мягоньки! По полу катала, по подлабочью валяла!
Люди берут, хвалят. И сын подошёл, купил у матери булочку.

Мать не узнала, не угадала — ещё бы! — борода курчавая, одет не по-русски.

У пристани трактир. Ваня у окна сидит, чай пьёт с маминой булочкой, на маму смотрит. У самого дума думу побивает:

«Открыться бы!.. Нет, страшно. Ведь без спросу сбежал, по молодости, по упрямству, и не думал, что в слезах одну оставил. А теперь она заплачет, не отпустит, и мне от неё не оторваться. А семья как? Дети малые!»

В последний день Ваня ещё раз у матери булочку купил и, пока Аграфена разбиралась в кошельке, сунул под булки всё, сколько было, — двадцать пять рублей.

Так, не признавшись, и уплыл в Данию.

Аграфена вечером стала выручку считать — двадцать пять рублей лишних!

Зашумела на всю пристань:

— Эй, жёнки-торговки! Кто-то мне в булки двадцать пять рублей обронил! Может, какой разиня заморский?

Никто не спросил ни завтра, ни послезавтра.

Прошла осень грязная, зима протяжная. Весна явилась разливна-красна. Закричала гагара за синим морем. Повеели ветры в русскую сторону.

Опять Иванушко места себе найти не может: «Надо сплавать на Русь, надо маму повидать».

Опять жена плачет.

— Ох, Джон! — Это она так Ваню звала. — Узнает мать — не отпустит.

— Не узнает. Не скажусь ей, только издали погляжу!..

Опять он порядился на корабль старшим матросом и приплыл к Архангельскому городу. Идёт в народе по пристани. И мамин голос, как колокольчик:

— Булочки-хвалёночки: сверху подгорели, снизу подопрели!..

Ваня подошёл, купил. Потом в трактире чай пьёт, из окна глядит на маму. И жалко ему: постарела мама, рученьки худые... Упасть бы в ноги! Может быть, и простила, и отпустила... Нет, боязно.

Неделю корабль в порту находился, каждодневно сын у матери булочки покупал, а не признался. В последний день только перед отходом сунул ей в короб всё, сколько было, — пятьдесят рублей — и ушёл в Данию.

Аграфена стала вечером выручку считать — пятьдесят рублей лишних!

Все торговки подивились:

— Что же это, Аграфена! Прошлый год ты у себя в булках двадцать пять рублей нашла, а сейчас пятьдесят. Что это нам никто не обронит, а тебе в другой раз! Уж не сын ли помогает?

Аграфена руками всплеснула:

— А и верно, сын! Больше некому! — И заплакала. — Дитячко моё рождённое, почто же ты не признался!.. Теперь каждому буду, кто из-за моря придёт, в руки смотреть.

ТРАКТИРЪ

Снова год минул. Кричит за морем гагара, велит Иванушке на Русь идти, мамку глядеть.

Плачет жена:

— Ох, муженёк! Я не держу тебя, только знай: не так я беспокоилась, когда ты на полгода в Америку уходил, как страшусь теперь, когда ты плывёшь одним глазом на мать взглянуть.

Дует весёлый ветер, свистит в снастях Иванова корабля.

Всплывают русские берега... Вот и Архангельск-город.

Сгремели якоря, опустили паруса.

На горе стоят, как век стояли, башни Гостиного двора. Под горой сидит, как век сидела, булочница Аграфена. Теперь-то она зорко глядит в руки приезжим морякам: не сунет ли кто ей денег в булки.

Иванушко тоже своё дело правит: у мамы булку купит, в трактире чай пьёт, на маму глядит.

И в последний раз как булку купил, суёт матери в корзину всё, сколько есть,— сто рублей. А старуха в кошельке роется, будто сдачу ищет, а сама глаз от рук покупателя не отводит.

Как он те деньги пихнул, она, даром что старая была, за руки его схватила и впервой, навверное, тихонько так сказала:

— Ваня, Ваня, Иванушко! Сынок мой!

А бабы кругом — женский глаз зоркий, бабье ухо чуткое — увидели-услыхали, заголосили на весь берег.

Ване бы не бежать, а он побежал.

Да куда там! От себя не убежишь. Остановился тут же. Молчит. На бабий крик пристав появился.

— Что случилось? Грабят кого?

Аграфена тихонько говорит приставу:

— Что ты, не грабитель это, а мой сын. Он мне сто рублей подарил. Он двадцать три года терялся. А я двадцать три года ждала. Веришь ли — сын вернулся!

А Ваня молчит, как бумага белый: не понимает ещё — простит его мать или нет, что он её ослушался, в слезах одну на годы оставил.

И все замолчали.

А по рынку, по пристаням весть полетела, что Аграфена сына нашла. А она ждёт и смотрит, смотрит и ждёт.

Тогда Ваня пал матери в ноги:

— Маменька, я твой сын! Прости, не губи меня! Без тебя не живу и с тобой остаться не могу: у меня в Дании жена и трое сыновей. Вот тебе все мои деньги — пятьсот рублей. Возьми, только отпусти!

Аграфена слезами залилась:

— Мне не деньги — мне сын дорог. Я без сына двадцать три года жила. Я о сыне двадцать три года плакала...

Заплакал и Ваня:

— Мама, пожалей своих внучат! Пропадут они без отца...

Заревели в голос и торговки:

— Аграфена Ивановна, отпусти ты его!

Аграфена говорит:

— Ладно, Ваня, я прощаю и отпускаю тебя. Только дай ты мне 19
слово, что на будущий год сам приедешь и старшего внука мне
на погляденье привезёшь.

Ваня слово своё сдержал. Привёз на другой год старшего сына. Аграфена внука зимовать оставила:

— Я внучонка русской речи, русскому обычаю научу.

Не стал Ваня с матерью спорить. Исполнил волю её: уехал в Данию один.

Пожил мальчик у бабушки год и уезжать не захотел.

А тут Ваня привёз среднего сына.

И этот остался у бабки, не пожелал лететь из тёплого русского гнёздышка.

Тогда приехала жена Ванина с младшим сыном. И полюбилась кроткой датчанке мужнева мать.

— Ваня, Ваня,— сказала,— останемся тут! Здесь такие добрые люди.

Аграфена веселится:

— Вери гуд, невестушка. Где лодья ни рыщет, а у якоря будет.

Аграфенины внуки-правнуки и сейчас в Архангельском городе живут, на родном бережку, на Руси-матушке.

Только с тех пор по имени Вани,
который мальчиком в Данию
бегал, и фамилия их —
Датские.

РИСУНКИ Т. СЕРГЕЕВОЙ

Литературно-художественное издание
для дошкольного возраста

Шергин Борис Викторович
ВАНЯ ДАТСКИЙ

Ответственный редактор А. П. Ефремов
Художественный редактор А. П. Гасников
Технический редактор О. Е. Иванова.
Корректор Н. Н. Жукова.

ИБ 13011

Сдано в набор 04.07.90. Подписано к печати 25.02.91.
Формат 60×90¹/₈. Бумага офсетная № 1. Шрифт
литературный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,5. Уч.
изд. л. 3,46. Усл. кр.-отт. 12,0. Тираж 300 000 экз.
Заказ. № 2393. Цена 1 р. Ленинградское отделение
орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
издательства «Детская литература» Министерства пе-
чати и массовой информации РСФСР. 191187, Ленинград,
наб. Кутузова, 6. Республиканская ордена «Знак
Почета» типография им. П. Ф. Анохина 185630,
г. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

© Иллюстрации. Издательство «Детская литература». 1982

Ш 4803010201—144
М 101(03)—91 314—91

ISBN 5—08—000032—5

